

Отзыв на автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения **Монастыршиной Юлии Александровны** «Творчество Г. Гульда в художественном контексте эпохи» (Специальность 17.00.02 – музыкальное искусство)

Диссертация Юлии Александровны Монастыршиной посвящена весьма непростой теме, связанной с формированием совокупной оценки творчества Г. Гульда. С одной стороны, исполнительская деятельность великого канадского пианиста традиционно вызывает противоречивые оценки и дискуссии, в которых подчас не просто отделить вкусовые предпочтения и субъективные оценочные суждения от беспристрастного научного подхода. С другой же стороны, и сами подходы к оценке художественной значимости исполнительского наследия Г. Гульда пережили достаточно интенсивную эволюцию, переместившись из эпохи модернизма во времена постмодерна. В этой непростой и нестабильной «системе эстетических координат», обуславливающей необходимость постоянной переоценки как самих ценностных суждений, так и их оснований, Ю.А. Монастыршина выстраивает собственный научный дискурс.

Самое впечатляющее в автореферате – личное авторское отношение к гульдовскому пианизму, переданное весьма убедительно, хотя подчас излишне эмоционально, а также – безграничное желание оправдать уникальную ценность его интерпретации. Речь идет именно о комплексном впечатлении, сформированном оригинальной системой аргументаций и многочисленными деталями, касающимися исполнительских особенностей затрагиваемых в работе произведений. Мне же остается искренне приветствовать усилия соискательницы ученой степени, приложенные в данном направлении.

Однако, как это иногда случается в исследованиях авторов, горячо отстаивающих свою позицию, сильные стороны находят продолжение в определенных недостатках, суть которых по большей части сводится к некоторой односторонности суждений, которую пытаются компенсировать именно силой убеждения, а не всесторонней научной аргументацией. К счастью, в нашем случае эти недостатки не оказывают решающего негативного влияния на общую положительную оценку работы. Поэтому сразу хотелось бы перейти к основным позициям, требующим, на наш взгляд, дополнительных комментариев со стороны диссертантки.

Основа авторской концепции сосредоточена в опоре на единственное понятие – «шедевр», чаще в специальной трактовке «заново открытый шедевр». Однако при этом не уточняется, что под ним подразумевается – музыкальная композиция, подлежащая исполнительской интерпретации, сама исполнительская интерпретация или столь любимая Гульдом аудиозапись – результат исполнительской работы в студии с последующим монтажом целого из наиболее удачных фрагментов разных исполнений. Все три художественных продукта с равным основанием могут быть шедеврами, а могут ими и не

быть. Но в автореферате как шедевр интерпретируется все, что связано с творческой деятельностью Гульда (вот где научная беспристрастность уступает личному благоговению автора перед объектом исследования).

Многokратно подчеркивая идейную близость Гульда к музыкальному авангарду, которая, в прочем, в тексте автореферата не сопровождается серьезным анализом, Ю.А. Монастыршина стремится всячески убедить читателя в том, что обретение «заново открытого шедевра» и есть основная цель авангардных поисков и авангардных эстетических целей. Но, тогда, авангард предстает не как концепция тотального обновления искусства, его выразительных средств и содержательной проблематики, а как всеобъемлющий ревизионизм шедевров прошлого с целью их «нового» прочтения, то есть, заново-обретения. Однако, это уже относится к идеям поставангардной деконструкции смыслов художественного наследия прошлых эпох, а не к эстетическому кредо авангарда. На с. 19 автореферата прямо указывается: «... смещение важных культурных акцентов в творчестве Гульда обусловлено важнейшей идеей авангарда – идеей “заново открытого шедевра”». В этой связи хотелось бы получить комментарии Ю.А. Монастыршиной о том, кто из представителей авангарда сформулировал эту идею, кому принадлежит авторство термина «заново открытый шедевр» и как эта тематика исследовалась в отечественном и зарубежном искусствознании.

К сожалению, автореферат не свободен от стилистических погрешностей и терминологических вульгаризмов. Например, II глава работы называется «Принцип расширяющегося контекста как средство идентификации философско-эстетической подоплеки художественного феномена». Оставим в стороне анализ смысла высказывания, зададимся всего одним вопросом, может ли подоплека быть «философско-эстетической»? Исследователь грешит метафорическими определениями, введенными в текст без каких-либо обоснований, однако на самом деле требующими глубокой аналитической разработки, иначе совершенно непонятно, что за ними кроется. Например, «философия текста», «эстетика сравнения», «жанровая философия», «эстетика уникального имени». На с. 37 читаем: «Показано, что солью данной интерпретации является то, что Гульд не просто меняет искомый (кем искомый? – прим. К.К.) текст, но играет в принципиально иной стилевой парадигме». И подобные примеры можно было бы продолжить.

Формулировка цели исследования фактически дублирует определение его актуальности.

Начиная со страницы 21 текст повторяет в несколько расширенном виде «пробег по литературе», который был дан, на наш взгляд, не слишком уместно, на с. 5-12 автореферата.

Глава IV и Заключение освещены в автореферате супер кратко – всего один абзац и одно предложение соответственно, хотя остальные разделы работы характеризуются во всей полноте.

Художественный контекст, заявленный в названии диссертации, по нашему мнению, мог бы быть представлен в работе более разносторонне, хотя

бы основными трендами мейнстрима в фортепианном исполнительстве во времена Гульда и в наши дни.

И, наконец, Ю.А. Монастыршина, отдавая должное исследователям творческого наследия Г. Гульда, сама почти не анализирует собственные тексты пианиста. В результате возникают весьма субъективные и, я бы даже сказал, чрезмерно экспрессивные оценки гульдовской интерпретации, которые, к тому же, входят в разительное противоречие с тем, о чем сам Гульд неоднократно сообщал своим читателям. На с. 44 читаем: Таким образом, время и пространство перестают быть для Гульда чем-то само собой разумеющимся, оказываясь серьезным коммуникационным *инструментом по осуществлению трюков* (курсив мой, К.К.) со слушательским восприятием». Но Гульд неоднократно восставал против такого понимания своего искусства. Чего стоит хотя бы название книги Б. Монсенжона о Г. Гульде: «Нет, я не эксцентрик!» [Бруно Монсенжон: Глен Гульд. Нет, я не эксцентрик! Изд-во Классика XXI век, 2008].

В заключение отметим, что высказанные замечания и вопросы сформулированы в надежде на конструктивную дискуссию на защите и не снижают положительного впечатления от представленной работы. На основании изучения автореферата диссертации Юлии Александровны Монастыршиной «Творчество Г. Гульда в художественном контексте эпохи» (Специальность 17.00.02 – музыкальное искусство) считаю, что диссертационное исследование указанного автора полностью соответствует требованиям, предъявляемым «Положением о порядке присуждения ученых степеней» Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (редакция от 01.10.2018, № 1168). Таким образом, Ю.А. Монастыршина заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство.

КУРЛЕНЯ Константин Михайлович

Доктор искусствоведения,
профессор кафедры теории музыки

ФГБОУ ВО «Новосибирская государственная консерватория имени М.И.
Глинки, г. Новосибирск, ул. Советская, д. 31
веб-сайт организации: <http://www.nsglinka.ru>
тел. служебный +7 (383) 222-42-16
e-mail организации: info-nsglinka@yandex.ru
e-mail (личный): kurlenya78@mail.ru

15 декабря 2019 года

Поставил руки
УДОСТОВЕРЯЮ:
Ст. инспектор
по кадрам

